

ОТКРЫВАТЬ НОВЫЕ ГРАНИ

...Занавес раздвинулся, и зрители увидели на сцене Смольный — таким, каким он был в грозные дни Октября. На площади перед зданием толпились красногвардейцы, матросы, солдаты. Они пришли сюда, чтобы увидеть и услышать Ленина.

Быстрой, энергичной походкой выходил из Смольного Ильич. Вначале его речь, обращенная к бойцам революции, напоминала скорее беседу. Вот он вспомнил об услышанном им разговоре в вагоне Финляндской железной дороги, о словах старушки, что «теперь не надо бояться человека с ружьем». На мгновение умолкал, лукаво прищуриваясь и внимательно оглядывая собравшихся. По мере того, как он продолжал говорить, лицо его все более оживлялось. Выразительные жесты, точно соответствующие смыслу произносимого, сливались со словом и как бы растворялись в нем. Повинуясь необычайной силе этого слова, возбужденная, волнуемая, колющая масса людей тянулась к оратору, обступала плотным кольцом фигуру вождя, сливаясь с нею в единое, неделимое целое...

Когда Ленин закончил свою речь, на какую-то долю минуты в зале повисла тишина. И вот зал задрожал, загудел, взорвался бурей аплодисментов, без конца вызывая и горячо приветствуя артистов и, в первую очередь, исполнителя роли Ленина — Молчанова. Так закончилась премьера спектакля театра имени Якуба Коласа «Человек с ружьем», которая состоялась более тридцати лет назад в Минске.

Это была победа театрального искусства Белоруссии, победа коллектива, впервые осуществившего на нашей национальной сцене постановку спектакля о вожде. Нелегким, исполненным напряженных творческих поисков был путь к этой премьере. И тем ошутимее был успех и признание зрителей.

Но понадобились годы, прежде чем образ вождя, созданный П. Молчановым, обрел законченную глубину и зрелость, когда внешняя характеристика, портретное сходство с Лениным, которым П. Молчанов овладел в совершенстве, стали для актера естественным состоянием. Приобретенная творческая свобода помогла ему глубже проникнуть в духовный мир Ленина — вождя, человека, мыслителя.

Наибольшей обобщенности, цельности ленинского характера актер достиг в «Кремлевских курантах», особенно во втором варианте, поставленном театром имени Янки Купалы в 1956 году. В этой пьесе образ Ленина предстает перед зрителем сложным, многогранным. Исполнителю роли вождя в этом спектакле удалось тонко и точно проследить работу ленинской мысли, ее рождение и созревание. Вот сцена, когда после неудачной охоты Ильич появляется в крестьянской избе Чудныхых. При виде детей лицо его проясняется, светлеет. Весело и азартно спорит он с ними о том, похож ли он на Ленина. И вдруг неожиданно замечает в хате личину. Лукавые огоньки в глазах мгновенно сменяются остро пытливым взглядом. «Светец, настоящий старинный светец? — говорит Ленин, в глубокой задумчивости рассматривая его. — Но неужели и вам приходится зажигать эту шутковину?» Прищуренные глаза, напряженный взгляд отражали стремительный бег мысли. И мы, зрители, чувствовали, что, вероятно, именно сейчас впервые в сознании Ленина зарождалось зерно великого замысла — электрификации всей России. Народный артист СССР Павел Молчанов, актер глубоко психологического плана, доносил этот подтекст сцены впечатляюще и убедительно.

Свыше двадцати лет работал мастер сцены над воплощением образа Ленина. Он по праву стал одним из лучших исполни-

телей этой роли в советском театральном искусстве. И в каждом из спектаклей — будь то «Залп Авроры» Большинцова и Чнаурели, «Вечный источник» Зорина или, наконец, «Грозной год» Каплера и Златогоровой, — всегда актер открывал для себя и для зрителей новые и новые грани, новые черточки ленинского характера. Главное, тут, конечно, не в изумительном портретном сходстве, а в волшебстве глубокого внутреннего перевоплощения, в умении передать неповторимое обаяние ленинской личности, что под силу лишь мастеру, художнику большого таланта и яркой индивидуальности.

Ленин в исполнении Молчанова — это прежде всего выдающийся трибун революции, пламенный оратор, оратор-полемист и оратор-пропагандист. Выступал ли он перед рабочими на заводе Михельсона («Грозной год») или старался убедить инженера Забелина в возможности осуществления электрификации всей России («Кремлевские куранты»), — его зажигающий, огромной внутренней силы темперамент словно бы прорывался наружу, заражая партнеров по сцене, беря в плен и зрителя. Таким запомнился нам Молчанов — Ленин.

Другой выдающийся белорусский актер, выступивший в роли Ильича, народный артист Советского Союза Борис Платонов подошел к раскрытию создаваемого им образа по-своему, так, как диктовали ему особенности его таланта. Дело в том, что по своему дарованию Б. Платонов — актер-лирик. На первый взгляд, могло показаться, что эти качества вряд ли помогут актеру в его новой работе. Но это только казалось.

Пьеса «Третья патетическая», которую поставил в 1959 году театр имени Я. Купалы, рассказывает о трудных временах нэпа, о последних днях жизни Владимира Ильича. Творческая индивидуальность Б. Платонова помогла ему подчеркнуть такие черты ленинского характера, как величайшую человечность, деликатность, чуткость к людям, — это очень рельефно очерчено и в пьесе. Как просто и задумчиво беседовал Ленин с рабочими сталелитейного завода, куда он приезжал, чтобы присутствовать на первой плавке! Или вдруг, лукаво подмигнув, спрашивал: сможет ли молодой рабочий Прошка управлять государством? Глаза его светились добродушным юмором. И интонации, и движения словно бы излучали какое-то особое человеческое тепло, от которого становилось светлее и радостнее вокруг.

От сцены к сцене, от эпизода к эпизоду Б. Платонов раскрывал ту простоту Ленина, о которой М. Горький сказал удивительные слова: «Прост, как правда». В спектакле купаловцев была та внутренняя достоверность образа, когда за отдельными эпизодами вставал сильный и цельный характер самого человеческого человека и настоящего борца за народное счастье, вождя революции, непримиримого к ее врагам. Лучшей сценой купаловцев, раскрывающей сущность пролетарского гуманизма, как его понимал Ильич, была сцена в Горках.

...Ленин один на скамье в парке — немного задумчивый, ушедший в себя. Доктора запретили ему работать, заниматься государственными делами. В этот момент к Ильичу приходит Ирина Сестрорецкая. Она пришла просить о помиловании брата, в недавнем прошлом чекиста, который взял взятку у спекулянта. Ирина подходила к Ленину, напряженно всматриваясь в его лицо, стремясь уловить в нем те признаки доброты, которая — она знала — так характерна для него. Ильич, немного растерянный, порывисто вставал ей навстречу, старался успокоить женщину. Он догадывался, какова будет ее просьба. Внимательно выслушивал Ирину, читал прошение. А тем временем подыскивал слова, единственно необходимые и единственно возможные в данной ситуации,

чтобы убедить женщину в справедливости решения относительно ее брата. Короткие, точные вопросы неумолимой логикой опровергают доводы Ирины. И затем, обращаясь не столько к Ирине, сколько к зрительному залу, твердо, ясно, отчеканивая каждое слово, он говорил: «Нельзя, невозможно. Прошу понять меня». И всем становилось ясно: Ленин прав.

...Трудна, исключительна ответственна задача создания на сцене образа Ленина. С каждым днем становится все меньше и меньше людей, лично знавших или хотя бы видевших Ильича. Но образ вождя живет в сердце и в сознании каждого человека. У каждого есть «свой» Ленин. И с этим «своим» Лениным зритель ищет встречи в каждой новой пьесе о нем, в каждом кинофильме.

Когда смотришь спектакль «Шестое июля» М. Шatroва, поставленный театром имени Я. Коласа накануне 50-летия Октябрьской революции, игра Ф. Шамова в роли Ленина поначалу чем-то настораживает. Может быть, потому, что у исполнителя отсутствует привычное нам сходство во внешнем облике, манере, жестах с обликом Ильича, который мы видели на портретах, в кинокадрах, на сцене. Но спектакль держит зрителя все время в нарастающем напряжении, он поражает внутренней правдой образа, которая убеждает, заставляет верить актеру.

...Вот Ленин за столом в своем рабочем кабинете в Кремле. Его соратники, друзья информируют о ходе событий. События эти развиваются тревожно, стремительно. Левые эсеры во главе со своим лидером Спиридоновой подняли мятеж. Убит посол Германии Мирбах, что грозит срывом Брестского мира. Арестован Дзержинский. Занят телеграф. Испытания следуют за испытаниями. Каждое из них требует незамедлительной, точной реакции. И в эти минуты опасности у Ленина — Ф. Шамова мы не видим ни тени смятения или колебания. Ленин внимательно прислушивается к советам соратников. Шаков отлично умеет передать эту ленинскую черту — чуткость, внимательность к мнению товарищей. Отдает приказы, распоряжения. Едет в немецкое посольство, чтобы постараться смягчить обстановку. И при всем этом сохраняет твердость и хладнокровие, целеустремленную собранность и мужество, волю и веру в победу.

В роли Ленина Ф. Шакову приходилось выступать и раньше. Он играл Володю Ульянова в спектакле «Семья» Попова, затем выступил в спектакле «Вечный источник» Зорина. Но наиболее глубокого проникновения в суть ленинского образа, он достиг в спектакле «Шестое июля»; за эту роль ему была присуждена Государственная премия БССР 1968 года.

Рамки газетной статьи не позволяют подробно остановиться на всех спектаклях белорусских театров, посвященных Ильичу. Лучшие из них внесли и вносят свою лепту в сокровищницу театральной Ленинианы.

Хотелось бы назвать постановки по произведениям белорусских драматургов. Это пьеса П. Глебки «Свет с Востока», поставленная театром имени Я. Коласа, — в ней образ Ленина убедительно раскрыл актер А. Трус. Совсем недавно в Брестском театре имени ЛКСМБ родился новый спектакль — «Брестский мир» по пьесе К. Губаревича. Несомненно, поиски писателей и мастеров сцены, работающих над воплощением ленинской темы, будут продолжаться. Она неисчерпаема и многообразна, эта тема, и на пути к раскрытию ее в белорусском искусстве сделаны довольно значительные шаги. Прикоснуться к этой высокой теме, внести свой труд и талант в ее раскрытие — почетный долг каждого художника.

А. ЧЕРНУШЕВИЧ,
младший научный сотрудник
Института искусствоведения,
этнографии и фольклора
АН БССР.